

Дмитрий Дартт

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

МЫ НИКОГДА НЕ УМРЁМ

12+

Дмитрий Дартт

Тайное общество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56351209

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-96758-8

Аннотация

Оказавшись в реанимации, герой повествования переносится в свое детство, получив шанс исправить ошибки и изменить судьбу. Но что-то пошло не так, и вместо этого он вовлекается в противостояние тайных обществ, ведущих непримиримую борьбу за древние знания, технологии и артефакты.

Содержание

Глава I	4
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	31
Глава V	47
Глава VI	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Дартт

Тайное общество

Глава I

Можно было бы сказать, что эта история началась еще в средневековой Франции, во времена хитроумного кардинала Ришелье и бесстрашных мушкетеров. Но это утверждение будет не верным, поскольку на самом деле, все началось гораздо раньше, где-то в глубине веков и уже так давно, что почти не осталось никаких тому свидетельств. Собственно, и средневековье оставило после себя лишь скудные обрывки информации о событиях, относящихся к этой истории. Поэтому, будем считать условно, что все началось с того, как поздним осенним вечером в дом капитана королевской гвардии Анри Де Ла Грейндж д'Аркиена, который снимал один этаж в небольшом особняке не далеко от церкви Сенн-Жерве в Париже, прибыли нежданные гости.

– Мама, кто это?! – воскликнула четырёхлетняя Мария, указывая пухлым пальчиком на вошедших в дом, ранее не виданных ею, мужчину и женщину. Но мама не стала что-либо объяснять своей малолетней дочери, и взяв ее за плечи, мягко развернула лицом к себе.

– Иди в свою комнату Дорогая. Беги к сестре, вам уже пора спать.

– Но маменька! – стала упираться маленькая Мария. – Я не хочу спать, я хочу быть с тобой. Хочу быть в этой комнате. И Луиза не хочет спать, у нее болят зубки.

Однако Франсуаза, мама, начавшей капризничать Марии, была неумолима и, взяв дочку за руку, отвела ее в другую комнату, где уже тихо спала, зарывшись под одеялом, старшая дочь Луиза.

Обе девочки капризничали весь день. Старшая из-за того, что у нее болел зуб, а младшая, глядя на старшую, просто так – за компанию.

Франсуаза уложила Марию в кроватку и, поцеловав ее в лоб, вышла из комнаты. Перед уходом она затушила одинокую свечку в большом канделябре, что стоял на столе у окна. Эта свеча горела так тускло, что после того, как она потухла, Мария даже не заметила какой-либо разницы в освещении комнаты.

– Что со свечкой, что без свечки, – хмыкнула Мария и поднялась с постели.

Появление в доме незнакомых людей вызвало огромный интерес у маленькой любопытной девочки и уж никак не дало бы ей уснуть просто так. Приоткрыв слегка, предательски скрипнувшую, дверь, она сначала приставила к щели глаз. Но не увидев ничего кроме мрака, царившего за дверью, она, стараясь унять свое любопытство и подслушать разго-

вор, приложила к щели ухо. Гости, вместе с матерью, находились в дальней комнате с большим камином. Были слышны лишь обрывки фраз, едва доносившихся до ее комнаты, и о чем разговаривают взрослые, девочка понять не могла. Но, несмотря на донимавшее её любопытство, выходить из комнаты Мария не хотела. За дверью было темно и страшно. В ее комнате тоже было темно. Темно, да не так страшно, потому что спящая на соседней кровати сестра, своим сопением разгоняла все детские страхи.

Марии ничего не оставалось, только как побороть на время свое любопытство и лечь обратно в кровать. За окном, где-то далеко и еле слышно прозвенел колокол, а потом пошел дождь и капли дождя забарабанили по подоконнику. Под шумом дождя девочка быстро уснула, забыв о неожиданных гостях.

Она проснулась от тёплого прикосновения руки к щеке. Открыв глаза, девочка увидела женщину, очень похожую на королеву Марию, которую она много раз видела во дворце. В последнее время, мама очень часто стала брать ее с собой во дворец к королеве, где её угощали конфетами и кремовыми пирожными. Королева называла девочку маленькой фрейлиной и обещала выдать замуж за принца. Но маленькая Мария не хотела жить с принцем, ибо в понимании четырехлетней девочки, большинство известных ей принцев были старыми дядьками, а некоторые из них к тому же еще толстыми и лысыми. Других принцев, на своем коротком ве-

ку, маленькая Мария пока еще не встречала.

– Бедная моя девочка, – тихо произнесла ночная гостья, когда Мария проснувшись, стала тереть кулачками глаза. Незнакомая ей женщина, та самая, что вечером пришла в их дом, сидела на краю ее кровати. В одной руке она держала подсвечник с большой и яркой свечой, а другой рукой гладила Марию по щеке.

– Ты не королева! – заявила девочка, как только протерла глаза. – Как тебя зовут? Зачем ты пришла к моей маме?

Девочка с любопытством смотрела на незнакомку. Ведь вчера мама сразу увела ее в другую комнату, и она смогла её увидеть только мельком. Незнакомка, чертами лица, была похожа на королеву Марию, что жила в большом дворце, только она была немного старше. Да и одета она была не так, как обычно одеваются королевы. Мария никогда не видала, чтобы королева была одета в платье из обыкновенного синего сукна.

– Да, ты права, я не королева. И я пришла не к маме, а к тебе. Пусть это будет нашим маленьким секретом. Не говори маме. Хорошо? – женщина улыбнулась, а Мария закивала в ответ, обещая сохранить секрет. – Я принесла тебе подарок. Береги его и тебе обязательно повезет. Только никому его не отдавай, даже маме или сестре. А когда придет время, ты сама поймешь, что с ним делать. Хорошо? – девочка вновь кивнула, а незнакомка взяла ее пухленькую ручку и положила на ее ладонь обещанный подарок.

На ладонь Марии лег увесистый и приятный на ощупь предмет. А от прикосновения к нему она почувствовала согревающее тепло, которое стало растекаться по всему телу пульсирующими волнами. Впрочем, маленькая девочка не придавала особого значения этому явлению, а только лишь порадовалась согревающему теплу. Комната, в которой она спала вместе с сестрой, была довольно прохладной, и ей было зябко даже под теплым одеялом.

– Вот, смотри, – незнакомка поднесла свечу ближе к ладони девочки, – это волшебная фидула, такие бывают только у настоящих королей, ну или принцесс.

– Но я же не принцесса! – воскликнула Мария, – Королевы и принцессы, вместе с фрейлинами живут во дворцах, носят красивые платья и едят пирожные. А у меня... А у меня даже дворца нет...

– Что бы стать королевой, не обязательно быть принцессой. И не каждая принцесса становится потом королевой, тем более настоящей. Для окружающих, не всегда главное то, кто ты есть на самом деле, а главное то, что о тебе знают и думают люди. Главное то, кого видят в тебе люди. Если они видят в тебе принцессу – значит ты принцесса.

– А если видят королеву?

– А если в тебе увидят королеву, то не сомневайся, для тех людей ты будешь королевой.

– А кого во мне видят сейчас?

– А сейчас, я в тебе вижу маленькую, любопытную девочку.

ку, которая задает слишком много вопросов, не подходящих принцессе, – улыбнулась ночная гостья. – Ну, хватит болтать. Мне уже пора уходить. Может, мы еще увидимся когда-нибудь. Но перед тем, как мы расстанемся, ты должна запомнить, что однажды к тебе придет человек и попросит отдать ему эту фибулу.

– Какой человек?! – вскрикнула девочка и скривила губы от досады из-за того, что ей придется расстаться с подарком.

– Ты узнаешь его, скажем, по монашеской одежде. Он будет одет как монах, – незнакомка улыбнулась, – а потом... Кроме него больше никто не придет за этой фибулой. Ты обязательно узнаешь его.

– Но я никому, никому не хочу отдавать этот подарок!

– Не волнуйся детка, когда этот человек придет, фибула тебе будет уже не нужна. Ты будешь уже взрослой и... счастливой. Но только ты отдай её обязательно. Не то в противном случае, тебя начнут преследовать несчастья. – женщина построила на лице серьезную мину, а потом улыбнувшись, дотронулась кончиком указательного пальца до носа девочки и добавила: – Обязательно отдай, хорошо?!

После этих слов незнакомка поцеловала Марию в лоб, встала с кровати и поставив свечу на стол вышла из комнаты, так и не сказав девочке кто она такая и как ее зовут. Мария же была так удивлена неожиданным подарком, что и думать забыла о том, что она так и не узнала имя ночной гостьи, подарившей ей такую чудную вещь. Таких подарков ей еще

никто не дарил. Да и если разобраться по лучше, то выяснится, что ей вообще никто и никогда не делал подарков. Те, роскошные платья и наряды, в которые ее наряжали по приказу королевы, были для девочки не в счет. И все что у неё было, перешло по наследству от старшей сестры.

Подаренная незнакомкой фибула занимала всю поверхность детской ладони. С виду невзрачная, но изящная, сделанная искусным мастером из воронёного металла вещица, не привлекала к себе внимания. Кольцевидный корпус украшался двумя сплетенными между собой венками, один из которых имел шипы, а другой с цветами. Посередине, в месте сплетения венков, был инкрустирован черный камень овальной формы.

Благодаря таинственной незнакомке, которая оставила в комнате свою яркую свечу, Мария смогла внимательно рассмотреть свой подарок. Она долго всматривалась в черный камень, как будто в зеркало и не верила своему счастью. А много ли нужно для счастья, маленькой, четырехлетней девочки?!

Согретая теплом, исходящим от подарка, Мария уснула и проснулась только на рассвете. Вспомнив ночную гостью и ту чудесную фибулу, что она ей подарила, девочка сначала подумала, что это был сон. Она даже успела расстроиться от такой мысли. Но когда ее рука нащупала под подушкой теплый, металлический предмет, она вновь испытала приятное волнение и прилив радости.

Проснувшись рано утром, Мария еще не знала, что эта ночь, проведенная в этом доме вместе с родителями и сестрой, была последней. Но теперь у нее появился, согревающий не только тело, но и душу, талисман. Несомненно, эта невзрачная с виду вещица, помогла маленькой девочке пережить расставание с семьей.

Утром, когда Мария едва успела съесть завтрак, мама велела ей собирать в дорогу. И уже пополудни, на огромной и расписной карете, они приехали во дворец к королеве Марии, где девочку сразу угостили кремовыми пирожными. Многочисленные фрейлины окружили Марию заботой и лаской. Весь день с ней играли, а вечером пригласили на ужин к самой королеве. У маленькой Марии закружилась голова от оказанного ей внимания со стороны взрослых, что она даже не заметила, как ее мать Фарнцуза, покинула дворец. Узнав, что мамы нет во дворце и она осталась одна, Мария заплакала. Но ее переживания длились не долго, потому что она вспомнила о своем ночном подарке, красовавшемся весь день на ее платье. А еще, её угостили мороженым, которое она никогда до этого не пробовала.

Ноябрьским утром 1645 года дорога из Парижа в Сандени была необычно многолюдной. Еще бы! Пропустить такое событие, которое случается так редко, что если один раз пропустишь, то не увидишь больше никогда, не желал никто из окрестных деревень Парижа. Да и обыватели самого

Парижа заполонили все улицы и дороги, не в силах пропустить королевское шествие. Даже на крышах домов собралось по двенадцать рядов любопытных зрителей.

Блестящий и странный кортеж. Молодой король, королева-регентша, весь двор, полк гвардии, отряд швейцарцев, мушкетёры, легкая кавалерия, вся королевская рать, представители разных профессий: ткачи, лавочники и дрогисты, под предводительством герцога Мон-Базона, губернатора Иль де Франса и Парижа, выехали из столицы Франции и направились на восток. Все взоры зевак, были обращены на чужеземных всадников в ярких длинных плащах с бритыми головами и длинными усами, едущих на конях, покрытых золотыми попонами, усеянными ценными камнями.

Под пушечную пальбу толпа выкрикивала: «Да здравствует Королева! В Счастливый путь!».

– Кто это едет? Кого, сопровождают радостные возгласы всего Парижа? – спрашивали те, кто случайно оказался в толпе зевак.

– Знаменитую и всемогущую Марию Де Гонзаг, герцогиню Неверскую, принцессу Мантуанскую, обвенчанную с королем польским Владиславом IV.

В этом же кортеже ехала и маленькая, четырехлетняя фрейлина королевы, урождённая как Мария Казимира Луиза Де Ла Гранж д'Аркьен. Её родители остались в Париже. Отец, Анри Де Ла Гранж д'Аркиен, гвардейский капи-

тан в королевской армии, и мать Франсуаза Де Ла Шатр, обремененная многочисленным семейством, были потомками обедневших дворян, некогда владевших замком Борд – жемчужиной всего Нивернэ. В данное время этим замком владел какой-то дальний родственник семьи, а семья д'Аркиен незаметно прозябала в Париже, не зная, куда девать своих дочерей. Во дворце шептались, что девочка была внебрачной дочкой королевы и фаворита Конде. Но это были, всего лишь, слухи. Такие же, как и слухи о том, что ее сестре Луизе, была уготована участь монахини, в одном из многочисленных монастырей Франции.

Глава II

В течение всей своей жизни, человек совершает множество ошибок, и некоторые из них кажутся человеку настолько досадными, непоправимыми или чудовищными, что он потом терзает себя до конца своих дней. Кто-то непрерывно изводит и казнит себя не в силах простить, а кое-кто, лишь, время от времени вспоминают те или иные свои ошибки. Но хуже всего, когда человек совершит действительно чудовищную ошибку, сотворит что-нибудь ужасное и не замечает этого. А потом живет себе, поживает, как ни в чем не бывало. Но и этому можно найти оправдание. В сущности, каждый человек, так или иначе, сам определяет и устанавливает «порог», по достижении которого он будет чувствовать себя счастливым или несчастным. Попрошу не путать с болевым порогом. В прочем и этот «порог» у каждого разный. Многие, наверное, видели такую картину, как дети с ревом и горькими слезами на глазах демонстрируют свое несчастье, когда родители отказываются купить им ту или иную игрушку. А кто-нибудь задумывался над тем, почему другой ребенок, глядя на ту же самую игрушку, отнесется к ней равнодушно, или также начнет всхлипывать за компанию, а то и требовать себе такую же. Во взрослом мире, у больших людей, происходит то же самое. Не так явно и очевидно,

но все же как-то так. Как бы там ни было, но не в этом суть повествования.

Определенно, люди совершают ошибки и неважно то, что некоторые из них по-настоящему чудовищные, а иные и во все за ошибки нельзя принимать. Ведь принято считать, что былого уже не вернешь и то, что уже случилось изменить нельзя. Или можно? Можно, нельзя, можно.

Примерно так я и рассуждал, лежа на больничной кровати в палате реанимации.

Был второй час ночи, наверное. Через окно с улицы доносились редкие, но раскатистые отзвуки проезжающих автомобилей. Палата освещалась дежурным светом – тусклой лампой накаливания, свисающей с белого потолка. Этакая лампочка «Ильича» Ватт на сорок. На соседней койке справа какой-то мужик безмятежно посапывал во сне. Откуда-то дальше из полумрака доносилось чье-то еле слышное бормотание. А с лева никого не было, и вообще палата была на половину пустой.

– Инфаркт в сорок пять лет?! Да, Игорь Николаевич, такое бывает, – сказал врач в приемном покое, когда оформляли моё поступление в больницу, – но это еще не диагноз. Меня зовут Андрей Сергеевич, фамилия-Котлярчук, если что. Слушайте, что я вам сейчас скажу! Нужно делать коронарографию и тогда будет всё ясно – инфаркт это у вас или нет. Вы согласны?

– А разве у меня есть варианты или какой-то выбор? –

спросил я больше для того, чтобы продолжить разговор, чем получить ответ. Было и так ясно – инфаркт, реанимация, операция, больничный лист, реабилитация.

Этому врачу на вид было лет 30 от силы, не больше. Щуплый тинэйджер с жидкими усиками и бородой. Таких на улицах и в метро, хоть пруд пруди. Но этот уже не просто подросток, а подросток, имеющий важную и ответственную профессию. При определенном раскладе карт удачи, он сможет обеспечить себе безбедную старость. Да, черт возьми, он молод, и у него еще все впереди, и возможно такой же, как у меня, инфаркт в сорок пять лет. Если не бросит вовремя курить, то так оно и будет. Но пока, этот молодой доктор еще ничего не знает. Не знает, что его ждет впереди и вряд ли будет готов к этому, когда придет время.

Я лежал на спине и глядя в потолок рассуждал о счастье. Я думал о том, что счастье у каждого человека свое. На одни и те же вещи люди реагируют по-разному. Кто-то и малой толике рад, а кому-то мало и всего мира у ног. Я подумал о том, что даже тот, кто хочет иметь весь мир у своих ног, или даже тот человек, который уже имеет весь мир, хотел бы получить шанс начать все с начала, с нуля. Ведь в таком случае можно получить не один, а два мира, ну или хотя бы полтора. В общем можно достичь гораздо большего. А тот, кому не нужны миры, может получить шанс на то, чтобы получить инфаркт не в сорок пять, а в семьдесят лет, или же вообще умереть другой смертью. Ну, скажем от того, что не откро-

ется парашют или заклинит дверь лифта во время пожара. Как бы поступил я, получив такой шанс.

Мои мысли под воздействием морфия протекали одна за другой тихо и спокойно. В какой-то момент у меня даже возникло впечатление того, что время остановилось и замерло. И только мои мысли не переставали вальяжно вальсировать в больничном полумраке.

– Милай! Кали хочешь получить шанс, тады скидывай трусы, – трескучий женский голос резко остановил течение моих мыслей, – Дохтар сказал тебя побрить.

Передо мной возникла старушка в цветастом больничном халате и таком же цветастом платке, завязанным под подбородком. Из-под платка торчала прядь седых волос. Худое, почти изможденное, лицо испещрено мелкими, старческими морщинками. Глаза скрывались в полу-мрачных впадинах глаз. «Не иначе смерть за мной пришла» – подумал я. Только вместо косы она держала в руке одноразовый бритвенный станок. Я немного опешил, но потом решил, что, будучи в наркотической эйфории, мои мысли были невольно мною же озвучены вслух, а старуха их слышала. В связи с этим, поведение санитарки меня не удивило. Во всяком случае, тогда я не придал этому значения. Старуха, между тем, потянулась к моему одеялу.

– Будет тебе шанс. Давай одеяло откинь, да не бойся, бабушка и не таких ведала, – пробормотала санитарка деловито.

– Так я и не боюсь, – стал нарочито хорохориться я. – Десятилетний пацан, что ли?!

– Пацан, не пацан, – уже с каким-то зловещим холодком произнесла бабка, – а трусы сымай, велено брить!

Надо ли говорить, что я подчинился?! Морфий делал свое дело, и мне было все равно, хоть в трусах хоть без них. Сам ли я откинул одеяло или же это сделала старушка, уже не важно. Станок стал скоблить мой пах, и на некоторое время воцарилась пауза. Мысли продолжили своё течение, а потом вновь застопорились.

– Какой шанс? – спохватился я, обращаясь к бабуле, – Что вы имеете ввиду, вы, что мои мысли читаете?

– Как о чем?! – старуха, как будто то ждала моего вопроса, – Хочешь шанс? Будет тебе шанс, коли отдашь мне свое счастье.

– Счастье?! Как я могу отдать то, чего у меня нет, – я попытался объяснить старушке, что счастье является такой материей, которую нельзя просто так взять и отдать другому. Даже если оно, это счастье, у тебя есть, то его нельзя просто взять и передать кому бы то ни было. Счастье нельзя подержать в руках, его нельзя пощупать и осязать каким-то другим способом. Хоть оно и является именем существительным, но все же....

– Говорят, что счастьем можно поделиться, – попытался пошутить я, – А вот что бы просто взять и отдать, то я о таком не слышал.

– Не слышал, так слушай, – старушка перешла на шепот, – Коли хочешь за ново жисть прожить, так и скажи: «Не будет мне счастья без новой жисти!», опосля плюнь через левое плечо три разы.

– А можно не плевать?

– Можно, только новой жисти у тебя не будет, – и немного замявшись добавила, – А у меня счастья не будет.

Надо ли говорить, что шутки ради, я произнес вслух: «Не будет мне счастья без новой жизни!», после чего символически поплевал на бабулю, которая была слева от меня.

Бабуля стала скрести бритвенным станком моё тело, время от времени бормоча себе что-то под нос. Я молча наблюдал за ее тенью, которая почему-то отбрасывалась, на стене за ее спиной, а не на полу от лампы, что тускло горела на потолке. Тень танцевала, строила причудливые фигуры, делала поклоны из стороны в сторону и показывала непонятные жесты. За беснованием бабкиной тени, я наблюдал спокойно и без интереса, так как наивно полагал, что это ведение, является плодом моего воображения, отравленного наркотическим веществом.

Через 20 минут меня увезли в операционную.

Глава III

Кое-кто полагает, что двигателем цивилизации являются женщины. Ведь это женщинам посвящали победы на рыцарских турнирах и лучшие стихи. Ради женщин происходили завоевания целых народов и покорения не виданных вершин. Это на всех самых известных и прославленных картинах, художники изобразили женщин. А главное, именно для женщин, мужчинами были сконструированы стиральные и посудомоечные машины, пылесосы и утюги. Но женщины не хотят довольствоваться и этим. Им всегда мало, и они продолжают требовать от мужчин еще чего-нибудь большего, чем у них уже есть. А сказка «О рыбаке и рыбке» Александра Сергеевича Пушкина, наглядно и просто показывающая мужскую и женскую сущность, есть живое тому подтверждением. Поэтому раньше, я был уверен, что именно чувство женской неудовлетворенности движет цивилизацию вперед, заставляя мужчин придумывать все более изощренные способы завоевания женских сердец. А самое интересное, что многие женщины об этом никогда не задумываются, а некоторые, прочитав эти строки, возмутятся, будучи категорически не согласными с таким положением вещей.

Но, рассуждая так, я глубоко заблуждался, так как в действительности же, главным двигателем цивилизации явля-

ются дети. И если женщины относятся исключительно к категории заказчиков развития человечества, то дети уже являются не только заказчиками, но и непосредственными исполнителями, реализующими в будущем свои детские потребности. Именно дети являются разрушителями всех стереотипов, традиций и обычаев, в рамках которых находится современность. Ведь то, что для взрослого является «табу», для ребенка может стать тем желанием и мечтой, которые он может воплотить в реальность, достигнув зрелого возраста.

А есть ли в цивилизованном обществе такие люди, кому родители разрешали с немытыми руками садиться за стол или смотреть телевизор до двенадцати ночи?! Наверняка есть, да и то только те, кто рос в детском доме без родителей. И каждый, наверное, думал, что не будет запрещать своим детям смотреть телевизор допоздна. Но, что будет, если сознание взрослого человека поместить в тело ребенка? Я думал, что скорее всего, табу, а также другие, разного рода, запреты, разрушаться не будут, и возникнет высокая вероятность того, что для такого человека защита консерватизма и ортодоксальности станет основополагающей деятельностью. Но так я думал до поры до времени, пока мне не выпал шанс на личном опыте познать все превратности такой метаморфозы человека.

Я не знаю, какие можно подобрать слова, чтобы максимально точно описать то чувство, что я испытал, приходя в сознание. Это было похоже на то, словно из глубоко-

го небытия, я погрузился в яркий красочный сон, где было множество персонажей и стояло теплое, солнечное, осеннее утро. Потом я проснулся, но сон не исчез, не растворился в нахлынувшей реальности, а наоборот стал преобразовывать настоящую реальность, оставшуюся где-то там далеко, за пределами сознания, в недавно приснившийся сон. То есть реальность стала сном, а сон стал реальностью. Или как в кино, когда герой под воздействием гипноза переносится в место, где ранее уже он был, например, в прошлое. Обычно в таких сценах герой видит все, что происходит вокруг него, иногда ощущает запахи и чувствует какое-нибудь физическое воздействие. Но при этом, этого «киношного» героя, как правило, никто не замечает, как бы он ни кричал и не привлекал к себе внимание.

В моем случае все было совсем не так. Все было реальным, и я шел по реальной улице через арку, а за руку меня держала моя мама. Рука мамы, влажная и теплая, крепко сжимала мою ладонь. А еще, к ощущению реальности добавлялась боль в лодыжке левой ноги, да такая реальная, что я невольно прихрамывал. Здесь, моя мама была молодой и чертовски привлекательной женщиной, хоть и в очках с крупной роговой оправой.

По логике вещей, я не должен был узнать в этой молодой женщине свою родную мать, поскольку в реальности моей маме было уже за семьдесят. Тем не менее, в первые секунды моего «пробуждения», я даже не обратил на молодость моей

мамы никакого внимания и воспринял это как само собой разумеющееся. Это уже потом я провел для себя такое сравнение, когда пытался переосмыслить произошедшее. А времени для размышлений у меня было хоть отбавляй. Но это потом.

На выходе из арки, солнце слегка ослепило глаза, а потом я увидел свой школьный двор. По пути в школу мама, время от времени, пыталась мне что-то объяснить. Но я абсолютно не понимал смысла её речи из-за ступора, в котором пребывал в тот момент. Так мы пересекли двор и дошли до входа в школу, где мама поздоровалась с какой-то женщиной, выходявшей из школы. Войдя в здание, мы поднялись на второй этаж и пройдя по коридору метров тридцать, зашли в класс.

Весь путь я проделал смиренно и покорно, не показывая своего недоумения от происходящего. Благо мой мозг был затуманен, и я действовал, скорее, подчиняясь своим рефлексам, чем здравому смыслу. В общем, я просто шел за мамой, которая влекла меня за собой, держа за руку. В свою очередь, как я понял потом, моё отрешенное состояние не вызвало у нее удивления, поскольку она вела меня первый раз в первый класс. А перед выходом из дома я сильно капризничал. Очень уж не хотелось идти в школу, где меня уже поджидала злая учительница. В этой связи моя мама решила, что ребенок, устав капризничать, впал в некий транс, вследствие чего на ее вопросы не отвечал и вел себя немного заторможено.

– Здравствуйте дети! – нарочито торжественно произнесла учительница Нина Павловна, когда класс наполнился детьми и родителями на три четверти.

– Здр-ра-вс-твуй-те! – прожужжал неровный строй детских голосов. А некоторые родители, машинально, но тихо, а другие только шевеля губами, тоже поздоровались с учительницей.

Учительница решила не ждать опаздывающих и начала свою вступительную речь, посвященную первому сентябрю. Её повествование началось с достижений Советского народа на великой стройке коммунизма и немного с борьбы угнетенных народов за свободу и равенство.

Я же, в это время, еще находился в ступоре. При этом, с одной стороны, я реально стал принимать себя за супергероя из фантастического блокбастера, приступившего к выполнению спецзадания, но еще не осознавшего полноту всего происходящего. А с другой стороны, я был уверен в том, что всё это: бред, галлюцинация или сон. Кроме этого, где-то рядом уже активировалось состояние ожидания пробуждения, так как раньше, когда мне снился плохой сон, в котором, например, я попал в ДТП, я осознанно, прямо во сне говорил себе, что все мне это снится, а чтобы избежать этой неприятности, мне нужно, всего на всего, проснуться. И это всегда работало. И я всегда просыпался, испытывая при этом невероятное облегчение. Тогда мне казалось, что вот-вот и сейчас, это нелепое состояние пройдет, отпустит наконец. Я проснусь!

Но, в этот раз эта моя способность не срабатывала, и я продолжал оставаться во сне, то есть в классе с учительницей и другими учениками и их родителями.

Между тем, учительница завела речь о пользе атеизма и стала вышагивать перед классом, кривляться и изображать дореволюционных крестьян, обращающихся к Богу.

– Только глупые люди могут бегать по полю и кричать: “Бог, дай дождичка!” – выкрикивала она, при это закатив глаза и вскинув к потолку руки.

А дети слушали и смотрели на нее с открытыми ртами. Некоторые родители одобрительно кивали.

К сожалению, в моей памяти не отложилось ярких воспоминаний о дне, когда я первый раз пришел в первый класс. Все эти праздники, из-за своей однообразности, слились в один. Каждый год одно и то же, даже погода, по-моему, не менялась. Всегда было тепло и солнечно. Единственное, что я запомнил, так это выступление моей первой учительницы, где она с ехидной иронией рассказывала о бегающих по полю людях и просящих дождя. Позднее, когда я стал старше, этот эпизод с учительницей часто всплывал из глубин моей памяти в лихих девяностых, когда религия вошла в моду, среди политиков всех цветов и уровней. И при очередном религиозном откровении какого-нибудь, рвущегося к власти новоиспеченного либерала, а в прошлом активного партийного деятеля и убежденного атеиста, я всегда видел в этом очередной акт лицемерия, вспоминая свою первую

учительницу и ее слова: «Бог дай дождичка!»).

Это выступление Нины Павловны перед классом, стерло напрочь появляющийся эффект дежавю. А образ санитарки в цветастом халате, неожиданно возникший перед глазами, дал понять, что все происходящее, является реальным повтором событий давно минувших лет. Вместе с санитаркой, я отчетливо вспомнил больничную палату, где еще находился менее часа назад и моё нелепое обещание, данное это странной женщине с бритвенным станком.

Воспоминания из недалекого прошлого, а теперь можно было с уверенностью сказать: «воспоминания из будущего», помогли мне сбросить оцепенение, позволили руководить своими действиями и давать им отчет. Тем не менее, некоторое время меня продолжало преследовать чувство нереальности произошедшего. Происходящее, в голове не укладывалось и временами мне вновь казалось, что все это мне снится. Но все же, мне пришлось смириться с таким положением дел. Другого выбора у меня не было, а все мои попытки проснуться от того, что я себя ущипнул, не дали никаких результатов.

Я смирился и стал привыкать к тому, что моё сознание переместилось в семилетнего мальчика, причем в свое же собственное тело. Несомненно, это был я. Маму, свою школу, а затем и учительницу, я узнал сразу. Потом я стал узнавать и одноклассников. Хотя, во взрослой своей жизни, их детские лица я уже благополучно забыл. И только старые школь-

ные фотографии могли напомнить мне о том, кто есть, кто.

Увлеченный своими мыслями, я даже не заметил, как весь класс переместился на школьный двор и занял свое почетное первое место. Нас построили в две шеренги, и я стоял во второй из них, за Ленкой Садковской. Она была крупной девчонкой, выше меня на голову, но ее высокий рост не защищал меня от солнца, и я щурился правым глазом от слепящего солнечного света. Родители, бабушки и дедушки стояли позади первоклашек и негромко переговаривались.

– А наш Сережа уже умеет считать до десяти. А как он умеет рисовать! – не скрывая гордость, сообщила одна мама другой.

– А мы целое лето были в деревне у бабушки. – сказала в ответ другая мама, оставив без комментариев достижения Сережи, – Ах, какое там вкусное молоко! Вы бы только его попробовали! А вы ни куда из города не выезжали?

– Нет, не выезжали. Нашего папу в отпуск не отпустили. Все лето провел на службе. А вы слышали, что за лето в городе дети пропали? Два мальчика и одна девочка. – непонятно было, то ли из любопытства, то ли для поддержания разговора, вдруг выдала собеседница. – Наш папа все лето со службы не вылезал, все детей искали. В лесу жил, можно сказать!

– Да, да... Слышала. – прошептала другая «мама». – Весь город об этом гудит. Только пропало не трое детей, а целый пионерский отряд из пионерлагеря.

– На самом деле пропал только один ребенок! – встряла в разговор третья мама. – У моего мужа брат милиционер, так он точно знает. Он мне рассказывал об этом.

Постепенно тема разговора переменялась, и мама Сережи рассказывала уже другой маме о математических успехах сына.

Все линейки нашей школы всегда сопровождал военный оркестр. Никаких хриплых динамиков и фонащих микрофонов. Только оркестр, пионерский горн с барабаном и твердая, уверенная речь директора.

Оркестр, сначала, сыграл гимн, а потом с особенным шиком – Бородинский марш. Некоторые бабушки и мамы у краткой утирали слезы. Мужчины-папы, многие из которых были в военной форме, улыбались. К слову сказать, в Советское время военные всегда носили форму, в том числе и школьный военрук – майор в отставке. Даже, когда я приходил в гости к своим одноклассникам, то заставлял их отцов в смешанной форме одежды. Военная рубашка и трико или цветная футболка и брюки с лампасами.

Все происходящее во круг, убеждало меня в том, что я, каким-то чудесным образом попал в первую половину 80-х годов. В своё детство. В маленький районный городок на Западной Украине, где перестройка еще не началась, и люди жили спокойной, размеренной Советской жизнью. Все школьники этой эпохи были уверены, что живут в самой благополучной стране планеты. Их папы и мамы работают

на благо Советского государства, а негры, живущие в это время в США, страдая от голода, стоят в очередях трудовой биржи. А душака Ленин великий вождь и защитник всего трудового народа.

А своему появлению на западе Украины я обязан родителям моей матери, то есть бабушке и дедушке, которые сразу после Великой отечественной войны, гостили в этом городе у родственников. Дедушка только-только демобилизовался из красной армии. А сестра бабушки была замужем за военным, и имела возможность пригласить их к себе. Кто-то мне рассказывал, что в послевоенной западной Украине даже продуктовых карточек не было. Советская власть, с целью своего становления и в ущерб другим республикам Союза, по максимуму обеспечивала местное население продовольствием. Поэтому за бессмысленное и заведомо обреченное на бесславный провал, но поддерживаемое западом бандеровское движение, расплачивалось всё население СССР. Мои бабушка и дедушка, успевшие испытать на себе голод, холод и послевоенную разруху в Советской России, увидев относительное благополучие на западной Украине, решили воспользоваться возможностью там остаться. Так, потом в этом городе родилась моя мама, а через пару десятков лет, родился и я.

Потом, я пошёл в русскоязычную школу, а все мои одноклассники, в основном, были детьми военных. Только у нескольких человек из класса, родители не имели никакого

отношения к воинской части. А воинская часть, к слову, держала шефство над нашей школой. Но, я до сих пор не знаю, в чем выражалось это «шефство» и почему многие этим даже гордились.

Всю школьную линейку, одно из моих многих «Я» требовало, чтобы я начал предпринимать какие-либо действия. Другое «Я» говорило мне о том, что это наваждение скоро пройдет, я проснулся в больничной палате, а потом меня выпишут. Еще одно моё «Я» потирало руки в предвкушении того, какой фурор я устрою, обладая всеми теми знаниями, которые я обрел, дожив до 20-х годов третьего тысячелетия. Но, при всем этом многообразии вариантов моих дальнейших действий, я не спешил принимать сторону какого-либо одного моих «Я», и решил немного подождать и понаблюдать за происходящим вокруг.

Глава IV

Прошло несколько дней. Я понемногу привык к своему новому и невероятному положению. Родители были заняты работой и выяснением отношений между собой. В тот год их отношения переживали сложный, кризисный период. Мои родители были на грани развода и на меня обращали мало внимания. Поэтому днём, после школы, я был предоставлен сам себе, и даже вечером я гулял по городу столько, сколько хотел.

– Мам! Я на школьный двор, – каждый раз, уходя из дома, заявлял я.

– Со двора никуда! – машинально отвечала мама, гремя кастрюлями на кухне.

Каждый вечер, после работы мама готовила ужин и сразу обед на завтра. Отец после работы заходил домой лишь для того, чтобы переодеться и выкурить сигарету. Потом он уходил в наш гараж, находящийся в гаражном обществе на окраине города, и оставался там до позднего вечера.

Наша семья была счастливой обладательницей 412-го Москвича ярко-синего цвета, с которым отец проводил весь свой досуг. Не могу сказать, что этот чудо-автомобиль часто ломался и из-за этих поломок мой отец все свое свободное время проводил в гараже. Скорее, это было такое своеобразное хобби. Ведь в 80-х годах в районных городках не было

сервисных автомастерских, поэтому автолюбители чинили и обслуживали свою технику собственными силами. С учетом этого, правильно будет сказать, что отец проводил время не в гараже, а в гаражах, вместе с другими, такими же счастливыми обладателями москвичей, жигулей, запорожцев, а то и волг. Впрочем, тогда в гаражах еще не редкостью были такие раритеты как: Победа, 402-й Москвич или ГАЗ 21 – Волга. И горбатый запорожец трудовика, что днями стоял в школьном дворе у входа в мастерские, казался вполне обычным автомобилем.

Я бесцельно слонялся по улицам один. Несколько раз ходил в кино, а иногда заходил к отцу в гаражи. С одноклассниками мне было не интересно – они же дети. Какие у нас могли быть общие интересы?! Хотя, можно было играть в футбол на школьном дворе. Вот, собственно, и все, что можно было. Но футбол в этом сентябре был не в тренде, а играть в прятки, казаки-разбойники или просто зависать на турнирах, мне было не интересно.

Стыдно признаться, но о своих жене и детях я вспомнил не сразу. До меня не сразу дошло осознание того, что они остались где-то там в моем прошлом, а в своем новом будущем я возможно их не встречу. Каждый раз, от этих мыслей на меня накатывала тошнотворная тоска, безысходность душила меня, и будучи семилетним мальчиком, я порой не сдерживал слез. В такие моменты я стремился уединиться и скрыться по дальше от посторонних глаз. Видимо по этой

причине, в первые дни своего перерождения, я старался находиться в безлюдных местах парков и улиц. Свободного времени у меня было много. В школе было всего по нескольку уроков, а заданий на дом почти не задавали.

В приступах безысходности и тоски появлялись мысли о том, чтобы сбежать из дома и отправиться в Брянск на поиски зловещей бабки-санитарки. Ведь это, находясь в Брянской больнице, я ее встретил, а потом попал в прошлое на западную Украину. А как я оказался в Брянске?! Да очень просто! Бабушка, оставив квартиру моим родителям, вернулась на родину в Брянск. А после того, как развалился Союз, я покинул западную Украину и уехал к бабушке. Так, после распада Союза я и остался в Брянске.

В меня вселилось убеждение того, что именно бабка-санитарка была виновницей моего несуразного положения. Это из-за нее я лишился семьи и всего того, что у меня было: работы, друзей, квартиры, моей собаки, наконец.

Если бы я действительно был семилетним пацаном, то несомненно сбежал бы из дома в поисках ответов на свои вопросы. Но, мне только с виду было семь лет, и поэтому я в полной мере осознавал всю полноту, глубину и абсурдность своего идиотского положения. Я понимал, что максимум куда я смогу доехать, так это до соседнего областного центра. Потому, что потом обнаружат моё отсутствие, забьют тревогу, после чего я очень быстро попаду в поле зрения милиционеров. В общем убежать так далеко не получится, как бы я

не старался. Мне оставалось только гулять по улицам своего городка, надеется и ждать. Только на кого или на что надеется и чего ждать, я не знал. Поэтому я бесцельно бродил с отрешенным видом, время от времени прислушиваясь к такой знакомой, родной, но уже далеко отдалившейся от меня украинской речи. Это была та Украина, которая в своем большинстве еще не догадывалась о том, что она порабощена клятыми москаляками. Все считали себя неотъемлемой частью Советского общества, пользующегося благами социализма и строящегося коммунизм. Во всяком случае, никто и виду не показывал, как ему плохо живётся.

Наверняка и в том обществе, в обществе маленьких районных городков 80-х годов, имелись диссиденты и религиозные фанатики, обиженные на власть по тем или иным причинам. Но о таких гражданах, точно также, как о проституции или наркомании, никто не знал. Спасибо товарищу Ленину, спасибо товарищу Сталину и спасибо товарищу Брежневу, за моё поистине счастливое детство. Лично меня, очень расстраивали очереди на биржу труда безработных негров в далекой Америке. Иногда я с друзьями всерьез обсуждал подобные темы. Социальная несправедливость, царящая в капиталистических странах, о которой повсеместно твердили все источники массовой информации и школьные учителя, наверное, была самым большим негативом моего детства.

В 80-х вам бы никто не поверил, если бы вы заявили, что уже в 90-х годах в нашей стране появятся биржи труда. Точ-

но такие же как в капиталистической Америке, только их нарекут службами занятости населения. Такие названия придумают видимо для того, чтобы не травмировать, утопающее в постперестроечном кризисе, население.

Мне вспомнилось, как незадолго до выпускного из старшей группы детского сада моя воспитательница делилась своим мнением по поводу смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева Леонида Ильича. Они стояли у входа в группу. Весь этот разговор происходил, когда дети были заняты поглощением обеда после прогулки. Я сидел за первым столом и хорошо слышал их разговор. Не знаю, почему именно мне запомнилось обсуждение смерти Брежнева, но этот разговор нянечки и воспитателя особенно отчетливо мне запомнился. Я не помню, как звали нянечку, я не помню фамилию моей воспитательницы, но разговор этот запомнил на всю жизнь.

– Вы чулы, Брежнев вмер! – со слезами на глазах произнесла воспитательница, обращаясь к нянечке.

– Та, вмер. – всхлипнув, ответила нянечка, – А миг бы шежиты, бо вже нэ такой старый був.

– Алэ ж, вин хворив. Я бачила, що вже сёмого грудня, на паради, вин лэдне рукою махав. – шмыгнув носом, поделилась своими наблюдениями воспитательница.

– Так, шкода його, бо вин ще багато миг для людэй зробіты. Так, нэхай вже покоиться з миром.

Не поддельная скорбь и печаль была в словах воспита-

тельницы и нянечки. Ребенка не обманешь! Скорбные слова этих женщин, совсем не были похожи на высказывания обитателей планеты Плюк из известного фильма «Кин-дза-дза»: «Я люблю господина Пэже». Нет, это было обыкновенное человеческое переживание и скорбь.

На западной Украине было принято с размахом отмечать все праздники и наша семья, не была исключением. Родители поддерживали дружеские отношения с несколькими семьями из местных жителей, проживающих в самом городе и окрестных сёлах. Дружили, общались, ходили и ездили друг к другу в гости. На религиозные праздники нас всегда приглашали в гости в село, а Новый год, Первомай и День победы всегда отмечали у нас, в нашей квартире. Взрослые собирались за столом, выпивали, о чем-то разговаривали и пели песни. У детей была своя «детская» компания. Спросите меня: “На каком языке мы все разговаривали, собираясь за праздничным столом?”, а я отвечу: “Понятия не имею”. В детстве, я не придавал значение тому, что я был русским по национальности. Я не выделял это обстоятельство из окружающего меня мира и не задумывался о своем бело-вороньем положении, которое с годами стало проявляться все отчетливее и отчетливее, особенно с приходом перестройки, гласности и национализма. Я не задумывался о том, на каком языке я разговариваю, ведь меня все понимали, и я понимал окружающих, ни разу не размышляя о том, как это получается. Но все стало меняться, когда вместе с проституцией,

наркоманией и СПИДом, на запад Украины пришли не довольные властью, москалями, и в целом жизнью, люди, которые везде и всюду, стали сеять семена раздора, рассказывая на каждом углу о неполноценности и ущербности бытия.

Сейчас я оказался на той Украине, которая ходила на работу, а не ездила на заработки. Это было то время, когда по окончании института или техникума, место жительства и должность на предприятии получали по распределению, и не по наследству, родству, знакомству или преступным путем. В то время, можно было, не глядя ткнуть пальцем в карту, поехать в указанную пальцем точку и получить там жилье, а также работу. Ключевым словом является слово «получить», поскольку «найти» или «искать» было не обязательно. По закону все Советские граждане обязаны были работать и должны были быть обеспечены жильем, бесплатным образованием и медицинским обслуживанием. Видимо поэтому мои родители не сильно пеклись о моем будущем и о моем образовании. Советская система не оставляла рабочего человека в стороне и тот, кто работал, всегда имел крышу над головой и хлеб насущный.

Но многообещающие Советские перспективы того времени, в котором я оказался, меня не радовали, так как уже не за горами маячил развал Союза и близились лихие 90-е. Я понимал, что мне нужно было что-то предпринимать, хотя где-то в глубине моего сознания, я начинал сдаваться. И уже было смирился со своим положением, как в голову

пришла шальная мысль, вдохновившая меня на дальнейшие действия. Я внушил себе мысль о том, что в местной больнице можно найти если не ту, то такую же бабку-санитарку, которая сможет решить мою проблему.

С мыслью о том, что в каждой больнице есть своя бабка-санитарка, способная перемещать сознание, я все свое свободное время, стал проводить около больницы. В моё поле зрения попадал не только больничный двор со всеми постройками и корпусами, но и, находящееся за забором больницы питейное заведение, которое в народе имело название «Костыль». Такое причудливое название питейной было напрямую связано с его местом расположения. Чувства юмора жителям города было не занимать, особенно если учитывать тот факт, что немалую его часть составлял военный, служивый люд. Поэтому питейная, находящаяся в городском парке у озера имела народное название «Жаба», летняя забегаловка, находящаяся в центре города и представляющая собой брезентовый шатер, именовалась в народе не иначе как «Рваные паруса», а то кафе, что было расположено непосредственно около военкомата, называли как «Пятое отделение». Кто знает, сколько отделений в военкомате, тот поймет, почему такое название.

С больничного двора, я не однократно примечал, как в «Костыль» заходили строгие и подтянутые мужчины, некоторые в деловых костюмах и уже через час-два они выходили оттуда веселыми и беззаботными. Очень часто это заведение

посещали люди в больничной одежде, в трико и тапочках. Но такие граждане долго там не задерживались.

Сентябрьское солнце бросало блики с больничных окон, между лавочками сновали вездесущие голуби.

– О, який фاینый хлопчик! А шо ты тут робыш? – Улыбаясь во весь рот, спросила женщина, одетая в цветастый халат, проходя мимо лавочки, на которой сидел я. – До кого ты прыйшов? В тэбэ хтось хворие?

– Хворие.... Не, не болеет, я тут просто..., – невнятно пролепетал я. – Так... Просто так.

Эта женщина не придавала моим словам какого-либо значения, потому что эта конкретная женщина появилась тут впервые и не видела меня раньше. Во всяком случае, я до этой встречи ее тут не видел. А вот другие постоянные обитатели больничного двора уже на третий день стали бросать на меня косые, любопытные взгляды. Я примелькался и, судя по всему, стал вызывать интерес.

Нужно было срочно придумать убедительный ответ, если с тем же вопросом ко мне обратится кто-нибудь из персонала больницы или же какой-либо излишне любопытный пациент. Но ко мне так никто не подошел и на четвертый и на пятый день. И я не увидел ни одной подходящей бабки-санитарки в цветастом халате и с платком на голове. Ну, вообще-то похожие бабушки-старушки то и дело сновали по больничному двору, но среди них я не заметил ни одной «своей». Судя по всему, мой план по обнаружению бабки-са-

нитарки в местной больнице, провалился. Да и наивно было предполагать, что вот так просто я встречу тут эту ведьму. Да, собственно, если бы и встретил, что бы от этого изменилось?!

В кармане у меня завалились 10 копеек – это была сдача от моего школьного обеда. Каждое утро мама давала мне в школу 20 копеек, именно столько стоил обед в школьной столовой. На эти деньги в школьной столовой как раз можно было взять на первое – вермишелевый суп, борщ или куриный бульон, а на второе – котлету, кусок жареной рыбы, отбивную или тефтели с гарниром виде макарон, картофельного пюре или какой-либо каши. Еще полагался компот, чай или сок и два кусочка хлеба. Должен заметить, что в нашем городе черного, ржаного хлеба никогда не было. Был только белый пшеничный хлеб, который пекли на городском хлебозаводе. Черный ржаной хлеб можно было купить только во Львове. А еще очень сильно не хватало сосисок. Обычных тонких мясных сосисок. В то время был только один сорт сосисок, который так и назывался – «сосиски». Черный хлеб и сосиски в наш город почему-то не завозили. Советское время не могло похвастаться изобилием, поэтому в гастрономе был всегда один ассортимент колбасы: докторская, любительская, полукопченая и ливерная. Все это производилось на местном мясокомбинате. Впрочем, и сортов молока, кефира или сметаны, то же было по одному. Это соответственно: «молоко», «кефир» и «сметана». А вот пиво, вино и дру-

гие спиртные напитки уже имели небольшое разнообразие. Например, в продаже магазинов было пиво «Колос», «Золотой колос», «Жигулевское» ну и самое лучшее это – «Львовское». В конце 80-х было очень популярно пить пиво со сметаной. Сейчас такого себе позволить уже никто не сможет, поскольку хоть пиво, хоть сметана, производятся не из натуральных ингредиентов, а из порошков.

На 10 копеек я брал котлету с хлебом и компот, а оставшиеся 10 копеек либо кидал в копилку, либо тратил уже потом после школы. Ближе к вечеру, я решил заскочить в пирожковую, что размещалась на углу первого этажа одного из домов в центре города, и на оставшиеся 10 копеек купить пирожок с повидлом. Я любил пирожки с горохом или рисом и яйцами, но они стоили немного дороже. Но еще больше я любил пятикопеечные булки с маком, но их к вечеру уже никогда не оставалось. Вся оставшаяся выпечка была холодной, и нельзя было попросить подогреть купленный пирожок. Тогда еще не знали о существовании микроволновых печей. Утром или ближе к обеду, в пирожковой всегда была очередь. Это была одна-единственная специализированная пирожковая на весь город или как минимум на центральную часть города. Во времена застоя наш город мог похвастаться обилием кабаков, различных питейных и кафе. При этом в каждом таком заведении была своя кухня и во многих из них, помимо горячительных напитков, всегда можно было заказать первое и второе блюдо. Везде была своя выпечка,

фирменные бутерброды или как их тут называли – «канапки», а некоторые заведения готовили блюда, которые можно было заказать только у них. Когда я говорю об этом, то имею в виду блюдо «чинахи». Этот густой суп готовился из фасоли и мяса в глиняных горшках и пользовался огромной популярностью среди взрослых. Дети его не любили. Поэтому, чтобы не вызывать лишних подозрений в «Чинахи», я не ходил. В прочем меня туда и не тянуло.

А, что касается других торговых предприятий, то они, как правило, были представлены в единичном экземпляре. В городе была всего одна аптека, один магазин канцелярских товаров, один магазин игрушек, один книжный магазин и много других по одному. При этом все они работали только в будни дни, а на выходные закрывались. Лишь только универмаг, продуктовые магазины и аптека работали в субботу и воскресенье. В прочем в универмаге можно было купить все промышленные товары первой необходимости.

Во второй половине дня в пирожковой было безлюдно. Купленный мною, пирожок я укусил еще около кассы и направился к выходу. Выходя из пирожковой на крыльце, я нос к носу столкнулся с бабкой в цветастом халате и таком же платке, который был завязан на узел под подбородком. Это была та самая санитарка и ошибки быть не могло.

– Ну що чоловіче, не знайшов мэнэ в ликарни? – старуха говорила на Украинском языке, причем с местным диалектом. – Ты си трохи заспокойся и вже не хвильюйся, бо ниц

не сможешь зробыты. Чекай колы прыйдэ твуй час!

Наклонившись ко мне, бабка тихонько прошептала на ухо:

– Прости, но дело сделано, и я ничего не смогу для тебя сделать. Ты хотел шанс – пользуйся. Это был твой выбор, хоть и не осознанный.

Потом она бесцеремонно меня отодвинула в сторону и вошла в пирожковую, хлопнув дверь.

– Стой! Постой! – вскрикнул я и следом за бабкой заскочил в пирожковую. Но в зале по-прежнему было безлюдно, даже персонал удалился куда-то в дебри своей кухни. А после того, как за мной захлопнулась дверь, в моих ушах несколько раз эхом раздалась сказанная старухой фраза:

– Чекай-ай-ай колы прыйдэ-йдэ-йдэ твуй ча-а-а-ас!

Все-таки я был прав, и старушка-ведьма была где-то рядом. Она знала, что я пытаюсь её найти и появилась около меня, застав врасплох. Но, что я мог сделать?! Что я мог ей предьявить?! Ведьма?! Да она ведьма!

Несомненно – это была ведьма и никто иначе. Когда мы столкнулись нос к носу на крыльце пирожковой, она вся благоухала и светилась. Она улыбалась и была счастлива. Да, да – счастливая и молодая. Да и не старухой она мне показалась. Теперь это была не бабушка старушка, а женщина бальзаковского возраста. А как я это определил? Не знаю как, но я был уверен в своей правоте.

Я снова вышел на улицу, где почему-то уже было темно и зажглись фонари. Легкий осенний ветерок пробегал

по листве, еще не начинавших желтеть деревьев. Мне ничего не оставалось, как только поплестись в направлении своего дома.

Колокола на башне костёла отбили четверть одиннадцатого часа. В другое время и в другом месте, я бы удивился этому обстоятельству. Ведь пирожковая работает до восьми часов, а сейчас, если верить часам на башне, было уже пятнадцать минут одиннадцатого. Но я ничему уже не удивлялся и был готов ко всему, даже к тому, что пойдет снег и начнется празднование нового года.

Несмотря на поздний час, на центральной улице было многолюдно. Люди парами и по одному человеку неспешно двигались в оба направления. Движение транспорта по этой улице было запрещено. В связи с этим, каждый шел по той части улице, где ему было удобно. Кто-то стоял у входа одного из многочисленных подъездов и курил. Звуки шагов и приглушенная речь успокаивали и придавали ощущение полной безопасности. Помимо фонарей, улицу освещали разноцветным магическим светом витрины уже закрытых магазинов и окна жилых квартир, расположенных на верхних этажах. Идущие по улице люди отбрасывали причудливые тени, которые то и дело проваливались в пустые дверные проемы не освещенных подъездов.

Проходя мимо часовой мастерской, я на мгновение застыл у окна. Мастерская по ремонту часов располагаясь на первом этаже трехэтажного жилого дома. Одно из окон,

выходившее на центральную улицу, было похоже на большую витрину. Занавесок не было и благодаря низкому подоконнику, наблюдать за мастерами часовых дел, можно было прямо с тротуара на улице. В полу-мрачном помещении мастерской было множество столов, каждый из которых представлял собой отдельное рабочее место с настольной лампой – таким островком света в мрачном пространстве.

Сегодня в мастерской былолюдно и оживленно. Тогда как обычно вечером, в мастерской работали два-три человека, или вообще никого не было, и за окном в мастерской царил мрак. Сейчас же, в помещении находилось человек семь и на всех столах горели настольные лампы. От этого в помещении было непривычно светло, а тротуар за окном был залит светом. Часовщики, обступив стол, расположенный в дальнем левом углу от окна, о чем-то спорили и жестами указывали на центр столешницы. Определённо там лежал какой-то предмет, но что именно лежало в центре стола, мне не было видно.

Около другого стола в стороне, обособленно от всей компании часовщиков, находился еще один человек – мужчина, на вид которому было лет пятьдесят с артистической внешностью. Чем-то он напомнил мне французского актера Жана Маре. Может это он и был?! Хотя нет, этот выглядел моложе, чем должен был выглядеть реальный Жан Маре в первой половине 80-х годов.

Мужчина сидел на стуле в вальяжной позе, закинув но-

гу за ногу, и со скучным видом поглядывал на окруживших соседний стол, мастеровых людей. На нем был какой-то необычный, можно сказать футуристический серый плащ, отливающий сталью. Для середины 80-х годов плащ смотрелся не стандартно даже за пределами Советской реальности. Из-под плаща выглядывал серый костюм-тройка. Галстук с крупным, прямо-таки, огромным узлом чуть ли не упирался в подбородок, своего хозяина. А еще у этого мужчины были черный зонт и черная шляпа, которые были небрежно брошены рядом на стол. Он очень сильно отличался от часовщиков своим внешним видом и был явно не из их компании. Достав из-под плаща серебристый портсигар, Жан Маре извлёк из него папиросу, закурил и выпустив дым, что-то начал говорить. Я вздохнул и подумал про себя: «Наверное, важный клиент».

Пока я стоял и пялился в окно часовой мастерской, где-то в глубине моего сознания всплыло слово «шанс». Ведьма говорила, что мне нужен был шанс и я его получил. Но как я не напрягал свой мозг, мне не приходило ни чего такого, что я, будучи в школьном возрасте, должен был исправить в своем прошлом, начиная с первого класса. Ведь именно первого сентября, не раньше и не позже, начался повтор моей жизни. И как я не старался, я так и смог вспомнить.

Глава V

Отойдя от часовой мастерской, я свернул с центральной улицы в ближайшую арку и направился к своему дому. Моя огромная тень некоторое время беззвучно бежала передо мной то и дело искривляясь, а потом, забежав за спину, растворилась перед входом в подъезд.

– Ну, и где ты шляешься? – строго спросила меня мама, как только я показался на пороге. – Ужин уже остыл!

– Ни чего страшного, съем холодный, – буркнул я в ответ из прихожей, переодевая обувь.

Похоже, тот факт, что семилетний ребенок до темноты был где-то на улице, мою маму беспокоил меньше, чем остывший ужин. И когда я зашел на кухню, она переключилась на другую тему.

– В субботу тётя Галя зовет нас в гости. Они приедут на выходные. Пойдешь? – не отрываясь от плиты, сообщила мама.

– Какая тётя Галя?.. – спросил я, а потом вспомнил и просветленно произнес, усаживаясь за стол: – А, тётя Галя! Ну, не знаю... И что мне там делать?

– Маша приедет. Она ведь тоже пошла в первый класс. Разве тебе не интересно узнать, как у нее в школе? Нет? Ну как сам знаешь...

После этих слов мама погладила меня по голове и вышла из кухни, показывая всем своим видом, что решение о том, идти или не идти в гости, я могу уже принимать самостоятельно.

Тётя Галя, до замужества Ерченко, а сейчас Новикова – это одноклассница и по совместительству лучшая подруга моей мамы. Мама как-то рассказывала, что с тётей Галей, подружилась не сразу. В школе, они особо не общались друг с другом, а иногда даже конфликтовали. Общие интересы у них нашлись, когда они вместе оказались в одной палате роддома. С Машей, то есть дочкой тети Гали, мы родились в один день. При этом она родилась на шесть часов раньше меня, что естественно, всегда было весомым аргументом, при разрешении наших споров.

– Я старше тебя на шесть часов и поэтому я главнее. Ты должен меня слушать. – на полном серьёзе заявляла Маша, когда, например, нужно было решить вопрос о том, кому собирать с пола игрушки. Ключевым словом тут было слово «старше». Но такое «выяснение отношений», было не частым. Ведь их семья жила в другом городе. Папа был военным. И в наши края они наведывались крайне редко и то, чтобы ненадолго навестить дедушку и бабушку. Мы общались, когда вместе с мамами заходили друг другу в гости. Но это было только в детстве...

Я выронил вилку, и она со звоном стукнулась о тарелку. Да, мы дружили только в самом раннем детстве. И ско-

рее даже не дружили, а в силу обстоятельств, были вынуждены делить одну компанию и то всего-то несколько раз. Даже Дни рождений, которые у нас в один день, никогда не отмечали вместе. Но несмотря на это, взрослые каждый раз нас сватали, называя женихом и невестой. А потом моей «невесты» не стало. Машка и вся её семья погибли в автокатастрофе. Об этом я случайно узнал из разговоров взрослых. В те времена о таких трагедиях не сообщали в газетах и журналах, а вся подобная информация транслировалась только по сарафанному радио. Детей же всячески старались оградить от дурных новостей.

В течение нескольких месяцев, где-то в городе я несколько раз встречал, совершенно убитых горем бабушку и дедушку. Но через год-два после трагедии не стало и их, а воспоминания о Машке и об её семье постепенно выветрились из моей головы. Поэтому я не сразу сообразил, к какой тете Гале мама звала в гости.

В следующую ночь мне снилась моя жена. Не было бы ничего удивительного и примечательного в этом сне, если бы не одно «но». Моя взрослая жизнь напоминала о себе почти каждую ночь и за те несколько недель, что я провел в своем детстве, мне довелось неоднократно встречать в своих снах не только жену, но и коллег по работе с начальником и собаку с аквариумными рыбками. Но в этот раз жена явилась в моем сне, будучи в образе Маши. К этому времени, я уже не помнил Машкиного лица, и, естественно, не узнал бы ее

при случайной встрече на улице. Но я был уверен, что у жены было именно ее лицо. При этом лицо было взрослым, без каких-либо детских черт. Во снах такие несоответствия всегда воспринимаются естественно и без каких-либо дополнительных условий. После того как я проснулся, сон быстро улетучился, и от него не осталось ничего, кроме воспоминания о том, что во сне мы с женой, находясь в каком-то огромном торгово-развлекательном центре, поднялись на второй этаж по эскалатору и зашли в бутик дорогих часов. Как только мы переступили порог бутика, все часы разом стали звонить, как один огромный механический будильник. От этого звона я проснулся.

****

Воспоминаний о тётъ-Гале и Машке, за школьный период у меня не сохранилось. Поэтому я решил действовать не медленно, так как о времени и месте трагической аварии мне было известно ровным счетом ничего. Даже гадать-предполагать было нечего. А поход в гости мог быть отменен уже в эту субботу. Только вот как действовать, я не знал. До субботы оставалось два дня и за это время нужно было сделать так, чтобы тётя Галя сюда не приехала.

Можно было раздобыть их домашний телефон, позвонить и все рассказать. Но представив себя на месте тёти Гали после телефонного разговора со мной, я понял, что вариант с откровением не подходит. Да и вообще, я давно решил, что никто не должен даже каким-либо образом заметить тот

факт, что я обладаю несоразмерными для первоклассника знаниями и жизненным опытом. Я старался не выделяться на фоне моих сверстников. И это мне удавалось с большим трудом.

Я решил поехать в их город и придумать, что-нибудь на месте. Других вариантов у меня не было, а сидеть и ждать сложа руки я не мог. Адрес я нашел быстро. Благо, что не было интернета с его соцсетями и мессенджерами. Люди, проживающие в разных городах, общались между собой при помощи почтовых отправлений. Звонили друг другу редко, так как междугородние звонки стоили не дешево, да и в праздничные дни из-за перегрузки линий, было трудно дозвониться. Открытку с адресом я нашел в одном из ящиков серванта, где помимо поздравительных открыток хранилась вся переписка нашей семьи. Письма в конвертах и телеграммы лежали стопками. Но открытки с адресом было недостаточно. Нужна была подробная карта города, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания и быстро найти нужный адрес. Семилетнего мальчика, спрашивающего у прохожих как пройти на ту или иную улицу, очень быстро определили бы в потеряшки и сдали куда следует.

Ближайшая, известная мне карта была у отца в машине. Поэтому вечером, при тусклой гаражной лампочке я зарисовал себе в блокнот нужный мне маршрут, а на следующий день после уроков, я уже бодро шагал в направлении автостанции. «В крайнем случае устрой в их квартире пожар», –

думал я, перескакивая лужи, то и дело попадавшие в переулках, после ночного осеннего ливня. О том, как я буду объяснять родителям свою поездку в другой город, я не думал. Да и нечего было придумывать. Поэтому с «линией защиты», я решил определиться по мере развития событий.

В кассе автостанции я взял два билета на ближайший рейс, соврав кассиру, что второй билет для мамы, которая отлучилась по срочному, неотложному делу. Благо моих денежных накоплений хватило на билеты, да еще и сдача осталась. Выйдя на улицу, я стал прохаживаться не далеко от посадочной площадки, обдумывая, при этом, свои дальнейшие действия. Когда до посадки в автобус оставалось минут десять, я решил посетить заведение, находившееся за зданием автостанции и отмеченное буквами: «М» и «Ж». В этом месте меня ждал неприятный сюрприз, точнее сказать два «сюрприза», в виде двух пацанов, которым на вид было десять-одиннадцать лет.

– Стоять! – одернул меня за плечо один из них, уже после того, как я прошел мимо. От этого я резко развернулся к ним лицом, едва удержав равновесие.

– Ты кто такой? Сраку маешь? – ухмыляясь, спросил другой.

Задавая такой вопрос, ухмыляющийся задира, вероятнее всего хотел выяснить имею ли я покровителя среди старших подростков. Не знаю, как сейчас, но в те времена в среде старших несовершеннолетних хулиганов было модно покрово-

вительствовать кому-нибудь из младшего поколения. Это называлось: «Ставить сраку», и покровитель, объявивший такое, был обязан всегда и везде, драться за своего подопечного. В этой связи, «младшие хулиганы», перед тем как причинить кому-либо обиду, на всякий случай, всегда старались выяснить есть ли покровитель у намечаемой жертвы или такого «защитника» нет. В противном случае, обидчик мог сам нарваться на хорошую трёпку и, хуже того, подставить своего покровителя.

Естественно, за меня сраку никто не ставил, и сказать в ответ мне было не чего. Я приготовился к худшему и «худшее» не заставило себя долго ждать.

Когда тот, который одёрнул меня за плечо, протянул руку к карману моих брюк, явно намереваясь его ощупать, я признал ведение каких-либо переговоров пустой тратой времени и первым нанёс удар. Я ударил кулаком прямо в кончик носа хулигана. От удара он закрыл руками лицо, зажмурился и отступил от меня на шаг. Одной ногой хулиган наступил в лужу и брызги с плеском разлетелись в разные стороны. Второй хулиган хоть и не был готов к такому развороту событий, но все же не растерялся, и попытался пнуть меня ногой в живот. Я увернулся от удара его ноги, поймав лишь несколько грязных брызг от ботинка, и прежде, чем пуститься наутёк, ударил ногой в пах второго хулигана. Удар оказался удачным, и я попал точно в «яблоки». Такой вывод я сделал по тому, что он, скорчившись от боли, злобно заши-

пел: «Ах ты ж сука, нэ хай тэбэ качка копныть! Шлях трафыть!». Теперь можно было бежать. И как только я развернулся к ним спиной, чтобы припустить бегом к месту посадки в автобус, где, скорее всего уже должны были собраться люди, я споткнулся и упал.

Падая, я успел поставить перед собой руки, что спасло моё лицо от погружения в лужу из грязной мутной жижи. Спасло лицо, но не уберегло от беды одежду. От живота до колен все покрылось липкой грязью. Впрочем, облепившая одежду жижа, представляла собой только половину беды, в которую я вляпался. Хуже было то, что я споткнулся о ногу товарища тех двоих «горе-хулиганов», который не понятно, откуда появился и сделал мне подножку. Скорее всего, он курил где-то за кустами, так как если бы он вышел из туалета, то был бы непременно мною замечен.

Я попытался подняться на ноги, но третий хулиган навалился на меня сзади, став одним коленом мне на спину. При этом обеими руками он схватил меня за уши и попытался макнуть лицом в грязную жижу. Мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы удержаться в упоре лежа и не упасть лицом в грязь. К счастью, долго сопротивляться мне не пришлось. Я почувствовал, как чья-то крепкая рука схватила меня за шиворот и одним ловким движением поставила на ноги. Мой «наездник», грозно насупившись, стоял напротив меня и нервно подергивал плечами, стараясь освободиться от второй руки, держащей его за воротник. Два

других хулигана, уже на приличном удалении от нас, убегали прочь от автостанции, сверкали пятками под насмешливое карканье ворон.

Нас, как бы это сказать правильно, разнял прохожий – мужчина средних слет с усами как у казака. После непродолжительных нотаций, мужчина освободил наши воротники и мой оппонент, высказав в мой адрес несколько нелепых угроз, удалился, горделивой походкой. Я некоторое время оставался на месте, пытаюсь хоть как-то стряхнуть прилипшую к одежде грязь, и походу обдумывая свои дальнейшие действия. О какой-либо поездке и думать было нечего, потому что в таком виде я бы далеко не уехал. Да и мой автобус уже ушел, а денег на новый билет у меня не оставалось. Я поплелся домой, под все то же насмешливое карканье ворон. Огромная стая ворон оккупировала небольшую группу деревьев, расположенных за автостанцией. Вороны периодически, небольшими стайками срывались с деревьев и сделав несколько кругов вокруг автостанции, словно патрулируя ее территорию, усаживались на место. И откуда они только тут взялись?!

Настроение было препаршивым. Я упустил шанс на то, чтобы не дать злему року остановить жизнь моих знакомых и возможно тем самым как-то повлиять на свою судьбу. Может эта моя «заброска» в прошлое и была обусловлена тем шансом, который нужно было непременно использовать в целях спасения Маши и ее семьи. Другого объясне-

ния этой ситуации, я в тот момент не имел. Оставалось дожить до субботы. Если Машка не приедет в эту субботу, то это будет означать только то, что случилось непоправимое. И об этом буду знать только я один, так как официальные известия о трагедии могут появиться, лишь, спустя несколько дней после случившегося. До этого времени все, кроме меня, будут жить спокойно, не ведая о трагедии.

Много раз, размышляя о том, что можно было бы сделать еще такого «полезного», находясь в моем положении и обладая тем огромным багажом знаний о будущем, я естественно не раз и не два, затрагивал глобальные вопросы. Спасти Джона Леннона я уже не мог, так как он был убит до моего появления в прошлом. Да, Леннон умер, но Цой жив. Катастрофа на Чернобыльской АЭС и унесшее множество жизней землетрясение в Армении, были еще впереди. Теоретически можно было принять превентивные меры по предотвращению или хотя бы уменьшению тех ужасных последствий. А спасти Цоя – это вообще, как два пальца об асфальт. Я даже успел себе представить, как заявлюсь в «Камчатку» и скажу, почерневшему от сажи Цою: «Витя, когда в 90-м наступит август, в Прибалтику ни ногой, а „Москвич“ лучше продай!».

Каждый раз, мысленно подводя итог своим рассуждениям, я давал себе обещание того, что я обязательно сделаю все возможное и невозможное, если такой шанс мне представится. А пока.... А пока ждем субботу.

Глава VI

Суббота не заставила себя долго ждать и наступила на следующий день. А день выдался для последних чисел сентября необычайно теплым и солнечным. Видимо началось бабье лето. Я шел к Машкиному дому через центральную улицу, где было многолюдно. В выходные дни в городе по-особенному много людей толпилось на центральной улице, но больше всего люди толпились в районе базара и автостанции. Это связано с тем, что в выходные и праздничные дни почти все сельские жители откладывали в сторону все хлопоты по хозяйству и устремлялись в районный центр за покупками. Устраивали самый настоящий шопинг, хотя в то время такого термина никто еще не знал. Многие же наоборот, приезжали в город исключительно с коммерческой целью, то есть для того, чтобы реализовать в продажу излишки своего подсобного хозяйства. Некоторые умудрялись успешно совмещать коммерческую деятельность с последующим транжирством.

Около Машкиного дома я встретил странного-престранного персонажа. Это был мужчина неопределенного возраста с нестандартным внешним видом, особенно для первой половины 80-х годов. Тип криминальной наружности, гладко выбритый, но лохматый и не расчесанный. Черные как смоль

волосы торчали в разные стороны из-под бейсболки, которая была явно меньшего размера, чем голова. Глаза с прищуром, крупный нос и массивная челюсть, придавали этому типу некую брутальность. Однако его вид был изрядно подпорчен засаленным, коричневым пиджаком, который, скорее всего, раньше был частью костюма. А из-под пиджака проглядывала синяя майка, ну или футболка с иностранной надписью на уровне груди. Надпись я не разобрал. В общем по современным меркам натуральный БОМЖ, хоть и гладко выбритый, но.... На его ногах были черные, начищенные до зеркального блеска, хромовые сапоги. Казалось, что если посмотреть в голенища, то можно увидеть свое отражение. Сапоги и бейсболка, больше всего привлекали к себе внимание в этом странном гражданине. И не сколько сапоги, а сколько, плохо сочетаемая с пиджаком, бейсболка, которая к тому же была одним из тех головных уборов, что не часто встречались на головах советских граждан, если, конечно, они не занимались спортом. Да и заграничное название этой кепки с большим козырьком и высокой тульей пришло в повседневный лексикон граждан с окончанием холодной войны, когда всякие американизмы и англицизмы, такие как, например, бизнес, шоппинг, менеджер и секьюрити, стали входить в моду.

Отходя от дома, он оглянулся и посмотрел, как мне показалось на окна второго этажа, как раз на те окна, где располагалась Машкина квартира. Затем, откуда-то из недр пи-

джака достал карманные часы, посмотрел в них и, хлопнув крышкой, деловито убрал обратно. Проходя мимо, он даже не взглянул на меня и полностью проигнорировал моё появление. Этот хмырь явно подходил на роль киношного героя криминального детектива Советского времени.

Я зашел за кусты и некоторое время наблюдал за этим хмырем, пока он не растворился среди людей на центральной улице.

Дом, в котором жила Машка, стоял немного в стороне от центра. Это было, обособленное двухэтажное здание, построенное в середине 19-го века, внутренним фасадом вплотную примыкающее к другому дому, который относился уже к другой улице и имел три этажа. Такие дома как сиамские близнецы, приросшие друг к другу спинами, были повсюду. Но этот имел более изысканную архитектуру, а по высоте с учетом массивной крыши и небольшой башенки со шпилем, был ненамного меньше пятиэтажной хрущёвки. Поговаривали, что раньше в этом доме жил богатый польский врач. И таких домов в городе было не мало, так как от Австро-Венгерской империи западной Украине осталось богатое архитектурное наследство.

В доме располагалось четыре квартиры. В одну из них вход был прямо с улицы, в остальные квартиры можно было попасть, через подъезд. Потолок в подъезде был наполовину стеклянным и через него можно было наблюдать за голубятней, которая размещалась на чердаке под крышей. А голубей

было много. Очевидно, кто-то из жильцов увлекался их разведением.

После того, как встреченный мною, подозрительный тип растворился на центральной улице, я вышел из кустов и побежал к подъезду. Квартиру в этом доме получил Машкин дед еще в годы своей службы. До отставки он был высокопоставленным военным начальником, но какую именно он занимал должность, я не знал. А когда я позвонил в дверь, то был почему-то уверен на все сто процентов, что на пороге меня встретит именно Машкин дед, и никто другой.

Дверь открыла она, Маша. В тот момент я был в этом уверен, хоть и не помнил ее лица. Где-то в глубине сознания сохранился только расплывчатый ее образ и не более того. Если бы я, случайно встретил Машку где-то на улице, то скорее всего прошёл бы мимо. Я бы ни за что ее не узнал. Но сейчас я был уверен, что это она и с этой уверенностью пришло облегчение и понимание того, что худшее еще не случилось.

– Привет! – это все, что я смог выдавить из себя остолбенев от неожиданности.

– Привет! – улыбнулась она в ответ.

Оказалось, что они приехали еще вчера вечером, и все мои волнения, ровно, как и переживания, были напрасными. Мой дурацкий план с поездкой в их город обернулся бы полным провалом. Но, к счастью, этого не случилось и теперь нужно было придумывать новый план.

****

Странный тип, которого я встретил на подходе к Машкиному дому, не спеша дошел до гастронома, где купил буханку хлеба, две бутылки кефира и два небольших колечка ливерной колбасы.

А еще его взгляд упал на сложенных горкой общипанных, и от этого, казавшихся особенно тощими, кур. В народе, этих кур, продававшихся в гастрономах города, за их худой и синюшный вид, прозвали спортсменами. Куры-спортсмены были в продаже почти всегда, так как у настоящих хозяек, предпочитающих покупать птицу на рынке у частников, популярностью не пользовались.

Подумав немного, мужчина жестом показал, чтобы ему взвесили и завернули одну курицу-спортсменку. Вся покупка благополучно уместилась в авоське, ловко извлеченной из кармана брюк. Постояв немного и почесав указательным пальцем нос, видимо размышляя о том, все ли он купил, мужчина достал из внутреннего кармана пиджака десятирублёвую купюру и протянул ее продавщице.

После того как с продавцом был произведен полный расчет, а покупки аккуратно сложены в авоську, бомжеватый покупатель, приподняв бейсболку, галантно поклонился и вышел на улицу. Затем он проследовал, в расположенный недалеко от гастронома, сквер, что был разбит у памятника Ленину. Кстати, это был один из первых памятников вождю социалистической революции, сброшенных с постаментов еще осенью 1989 года, еще до того, как распался

Советский Союз. Это происходило при огромном, по местным меркам, скоплении людей. Естественно, такое мероприятие не прошло без предварительной пламенной речи одного из предводителей районных националистов и, последующего мордобития, не согласных с новыми веяниями, обещающими уже в ближайшем будущем «великие» перемены. Видимо из-за этого инцидента с несогласными и дабы избежать ненужного кровопролития, танк Т-34 с постаменты убрали ночью, в тайне, от общественности. В это же время, для ускорения наступления «великих» перемен, каждое воскресенье в городе устраивались националистические митинги, демонстрации и шествия. В лесах открылись бандеровские схроны, а на заборах все чаще стали появляться надписи, с националистическими призывами. Вскоре, в адрес русскоговорящего населения, от друзей, коллег по работе и просто случайных знакомых, когда в шутку, а когда и всерьез, стали нередко отпускаться недвусмысленные намеки о том, что настала пора избавляться от москалей. Где-нибудь на школьном дворе можно было запросто услышать детский насмешливый призыв, что-то вроде: «Хлопци, то москаль, быйты його!». В большинстве своем, всем этим насмешкам и уколам на национальной почве, обычно придавался безобидный статус или же как дань моде, дескать нынче очень модно подшучивать над москалями. А когда все же эти «великие» перемены наступили, то вдруг стали повсеместно закрываться фабрики, заводы и другие предприятия. Начались лихие

и голодные 90-е, сыгравшие злую шутку с ярыми украинскими националистами, отправив их на заработки никуда ни будь, а прямо к москалям в Москву. Но пока, окруженный цветочными клумбами, Ленин стоял на своем месте, даже не подозревая о том, что завершение эпохи, созданного им общественно-политического строя, близится уже к концу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.